

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man is on the left, wearing a dark suit and a light blue shirt, with a beard and dark hair. The woman is on the right, wearing a dark, shimmering dress and large earrings. They are both looking at each other with soft expressions. The background is a warm, golden light, possibly from a window or a lamp, creating a soft, intimate atmosphere.

ДМИТРИЙ ШИПНЕВСКИЙ

ПОДАРИ МНЕ
ЛЮБОВЬ

18+

Дмитрий Шипневский

Подари мне любовь

«Автор»

2026

Шипневский Д.

Подари мне любовь / Д. Шипневский — «Автор», 2026

Меня уволили в тот же день, когда я разбила машину. Я сидела в покорёженном кресле, злая и мокрая, когда надо мной навис мужчина в дорогом пальто.— Живая?Я ответила «да». И тут же соврала, что кружится голова. Просто чтобы он помог. Просто чтобы он остался.Он заметил. Но промолчал. Помог, отвёз в больницу, заплатил. А потом предложил работу в своей компании.Дамир — миллионер. Он привык всё контролировать. И теперь я стала его новой проблемой.Мне следовало сказать «нет». Я сказала «да».Я не знаю, чего он хочет на самом деле. Но мне кажется, я скоро узнаю.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16

Дмитрий Шипневский

Подари мне любовь

Глава 1

Глава 1

Дождь начался внезапно. Дворники не справлялись, стекло затянуло мутной пеленой, и я сбросила скорость, чувствуя, как колёса скользят по мокрому асфальту. Короткий путь, говорил навигатор. Срежете пятнадцать минут, говорил навигатор. Навигатору легко говорить — он не платит за ремонт подвески считая убытки. Хотя кто я такая, чтобы спорить с электроникой? Она хотя бы знает, куда едет. Я — нет.

Я заметила поворот, но не успела. Машину повело, я вывернула руль, нажала на тормоз — и в тот же миг из темноты вылетела чёрная громада внедорожника.

Удар. Стекло разлетелось осколками. Ремень безопасности впился в плечо. Голова мотнулась вперёд, и на секунду всё исчезло.

Когда я открыла глаза, рядом кто-то был. Я почувствовала его раньше, чем увидела — запах дорогого парфюма, смешанный с холодом и дождём, и тяжесть взгляда, который давил даже сквозь закрытые веки.

— Живая?

Голос низкий, спокойный. Без паники.

Я моргнула. Голова не кружилась. Плечо саднило, но боль была терпимой. Я могла пошевелить рукой — значит, перелома нет.

— Живая, — ответила я. И тут же замерла.

Он стоял надо мной. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто, которое даже под дождём выглядело дорогим. Лицо — резкое, скулистое, с лёгкой небритостью. Глаза тёмные, почти чёрные, смотрят тяжело, цепко. Он смотрел на меня, и у меня перехватило дыхание от ощущения, что этот человек видит меня насквозь. И что он уже решил, что я — его проблема. Вот так. Не женщина. Не Вера. Проблема.

Я вдруг остро почувствовала, как я выгляжу. Мокрая, с волосами, прилипшими к щеке, с болью в плече, в разбитой машине. А он — сухой, спокойный, идеальный. И этот контраст заставил меня злиться.

— Голова немного кружится, — сказала я. Не потому, что кружилась. Потому что не хотела, чтобы он думал, будто мне совсем не больно. Хотела, чтобы он помог. И ненавидела себя за это желание.

Он смотрел на меня. Я подняла глаза — и на мгновение мне показалось, что он улыбнулся. Не губами — уголком глаза.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Вера.- и закрыла глаза.

— Не спи, Вера. Сотрясение — будешь спать, могу не добудиться. Плечо сильно болит?

Я сделала паузу. Ровно на секунду дольше, чем нужно для честного ответа.

— Терпимо, — сказала я. Не «да», не «очень сильно». Терпимо.

— Вызывай скорую, — бросил он кому-то за спиной.

— Не надо, — я попыталась выпрямиться. — Я сама доеду.

— На чём? — он кивнул в сторону капота.

Я проследила за его взглядом. Капот загнулся гармошкой, из-под него что-то шипело и капало. Машины больше не было. Была грудa металла. Моя машина. Мой кредит. Моя свобода. Всё, что осталось, — грудa металла, которая теперь будет сниться мне в кошмарах вместе с банковскими выписками.

— Понятно, — сказала я тихо.

— Поехали. — Он открыл дверь шире, протянул руку. — Я отвезу.

— А вы...

— Меня зовут Дамир. — Он произнёс имя так, будто не сомневался, что я его запомню. — Давай руку.

Я протянула. Его пальцы сомкнулись на моём запястье — жёстко, но осторожно. Ладонь широкая, горячая. Он потянул меня на себя, и я вдруг остро почувствовала, как легко он управляет с моим телом. Без усилий. Как будто я ничего не вешу. Я вешу шестьдесят два килограмма. Но с ним, кажется, можно весить центнер — он бы всё равно потянул. Интересно, он в спортзал ходит или это врождённое? И почему меня это вообще волнует?

Я сделала вид, что споткнулась. Совсем чуть-чуть, чтобы он поддержал. Он поддержал. Его пальцы на секунду сжались крепче, и я почувствовала, как он напрягся — мгновенно, автоматически, как человек, который привык реагировать на опасность. А потом он посмотрел на меня. Быстро, колюче. И в этом взгляде мелькнуло что-то, от чего я покраснела.

Заметил. Ну конечно. Он же видит всё. Рентген в пальто. Поздравляю, Вера, ты только что провалила экзамен по искусству манипуляции. Оценка — «дура».

Я отвела глаза, чувствуя, как щёки горят. Надо было быть умнее.

— Ты всегда так аккуратно водишь, Вера? — спросил он, ведя меня к чёрному внедорожнику, который стоял в паре метров. На его машине не было ни царапины. Конечно, ни царапины.

— Я не врезалась, — огрызнулась я, надеясь, что мой голос звучит ровно. — Меня занесло.

— На мокрой дороге нужно сбрасывать скорость.

— Спасибо, капитан Очевидность.

Он остановился. Повернул голову. В темноте его глаза блеснули — и мне показалось, что я увидела в них интерес. Не удивление — ему не часто дерзили, это было понятно. Именно интерес. Ага. Зацепило. Значит, не всё потеряно. Значит, ему скучно с теми, кто говорит «да, конечно, вы правы». А мне не скучно с теми, кто не боится моей дерзости. Какое совпадение.

— Ты всегда так разговариваешь с человеком, который везёт тебя в больницу?

— Я всегда держу язык за зубами, когда у меня сотрясение и вывихнутое плечо, — ответила я. — Но сегодня у меня очень плохой день.

— Рассказывай.

— Что?

— Про свой плохой день.

Я хотела снова огрызнуться, но он уже открыл дверь внедорожника, помог мне забраться на заднее сиденье. Я оказалась в мире кожи, дорогого парфюма и тишины, которая вдруг оказалась оглушающей. Тишина. Кожа. Парфюм. И он. Сидит слишком близко. Или недостаточно близко. Я ещё не решила.

Он сел рядом. Кивнул водителю:

— В больницу.

Машина плавно тронулась. Дворники мерно скрипели, дождь барабанил по крыше.

Я молчала. Считала про себя. Если он спросит снова — значит, ему действительно интересно. Если нет — значит, это была просто вежливость. Скучно. Скучно быть вежливым. Скучно быть проблемой. Хочется быть чем-то большим, чем галочка в списке.

— Я жду, — сказал он.

Я повернула голову. Он смотрел в лобовое стекло, но я чувствовала — внимание полностью на мне.

— Меня уволили, — сказала я. — Не уволили. Я дизайнер интерьеров. Был проект — загородный дом, дорогой клиент. Сегодня он выбрал другого дизайнера. Потому что его новая жена привела свою племянницу. А моя работа оказалась... не нужна.

Он молчал. Я ждала стандартное «не переживай, найдёшь что-то лучше».

— И что ты будешь делать? — спросил он.

Не «найдёшь», а «будешь делать». Разница была огромной.

— Искать работу, — ответила я. — У меня аренда завтра. И долг за мастерскую.

— Зачем тебе мастерская?

— Я мебель проектирую. Индивидуальные заказы. Не только интерьеры.

Он повернулся. В темноте салона его глаза казались чёрными.

— Покажи.

— Что?

— Портфолио. Если оно у тебя есть.

Я моргнула. Потянулась к сумке — и вовремя изобразила, как больно поднимать руку. Он заметил. Конечно, заметил. Но ничего не сказал. Молчит. Заметил и молчит. Либо он джентльмен, либо ему нравится игра. Либо то и другое. Идеальный мужчина, честное слово.

Я достала телефон, нашла папку, протянула.

Он взял. Листал молча. Я следила за его лицом — безуспешно. Ни одной эмоции. Только тяжёлый, изучающий взгляд, который скользил по экрану. Ну хоть бы бровь поднял. Или хмыкнул. Или сказал «неплохо». Ничего. Сидит как статуя. Статуя в пальто.

— Это всё? — спросил он, возвращая телефон.

— Это последние проекты. Если нужно больше...

— Я строю дома, — перебил он. — Элитные жилые комплексы. Сейчас готовлю к продаже пентхаус. Нужен шоу-рум. Нанимал дизайнера, но результат не впечатлил.

Он замолчал. Я ждала.

— Если ты действительно хороший дизайнер...

— Я хороший дизайнер.

Он снова посмотрел на меня. Долго. Так, что я почувствовала себя образцом породы на выставке — оценивают, стоит ли брать. Оценивай. Я готова. У меня даже шерсть блестит под дождём.

— В понедельник приезжай в офис, — сказал он. — Адрес дам. Посмотрим, что ты можешь.

Я хотела спросить — зачем ему дизайнер, которого он нашёл в разбитой машине? Хотела сказать, что это звучит безумно. Случайный дизайнер с обочины. Как грибы собирать, только вместо грибов — люди. Может, у него хобби такое? Но я смотрела в его чёрные глаза, вспоминала, как он листал моё портфолио, и понимала: он не из тех, кто делает что-то просто так.

— Договорились, — сказала я.

Он кивнул, отвернулся к окну.

Машина въехала в город. Замелькали фонари, витрины, мокрый асфальт. Я смотрела на его отражение в стекле. Он сидел неподвижно, но я чувствовала — он тоже смотрит. На меня. Через стекло. И этот взгляд был таким же тяжёлым, как в машине.

Он знает. Он точно знает, что я притворяюсь. И ему это, кажется, понравилось. Ну ещё бы. Я бы себе тоже понравилась, если бы была мужчиной. А он — мужчина. И я ему нравлюсь. Вера, ты сегодня в ударе. Сначала авария, теперь это. День определённо налаживается.

— Дамир, — сказала я.

Он повернулся.

— Спасибо, что не уехал.

Он смотрел на меня несколько секунд. Потом уголок его губ дрогнул.

— Выздоровливай, Вера, — сказал он.

С ударением на последнем слове. «Выздоровливай». Как будто мы оба знали, что я здорова. Конечно, знали. И он знает, что я знаю. И я знаю, что он знает, что я знаю. И это лучший разговор, который у меня был за последний год.

Я отвернулась к окну, пряча улыбку.

Глава 2

Глава 2

На следующее утро я стояла перед стеклянной дверью бизнес-центра и чувствовала себя нашкодившей школьницей, которую вызвали к директору. Школьницу хотя бы предупреждают, за что вызывают. А тут — полная неизвестность. Может, он просто хотел узнать, как плечо. Или решил, что я плохой дизайнер, и хочет лично отказать. Или ему скучно и он коллекционирует случайных женщин с обочин. Последний вариант звучал романтично, но как-то слишком оптимистично для человека, который даже не улыбнулся ни разу.

Но по крайней мере сегодня я выглядела не как мокрый воробей. Сегодня я выглядела как воробей, который высушил перья, навёл макияж и почему-то решил, что этого достаточно для собеседования с миллиардером.

Я потратила на сборы полтора часа. Для женщины, которая последний год красилась в пробках на светофоре, это был личный рекорд. Я даже не знала, что у меня есть столько времени. Оказывается, когда у тебя нет машины, работы и планов на будущее, утро становится длиннее.

Я высушила волосы так, что они легли волнами, а не торчали в разные стороны, как вчера. Нанесла макияж — ровно тот, который делал лицо свежим, но не кричал: «Я встала в шесть утра, чтобы накраситься для мужчины, с которым знакома меньше суток!» Собрала волосы в низкий пучок — строгий, но с парой небрежных прядей у лица. Небрежность, на которую ушло двадцать минут. Кто вообще придумал, что небрежность должна быть подготовленной? Наверное, тот же человек, который решил, что «естественная красота» требует часа работы.

Надеть было особо нечего — весь мой гардероб состоял из джинсов, свитеров и одной юбки, которую я надевала на защиты проектов. Я выбрала юбку. Чёрную, чуть выше колена. Белая блузка, которую я вчера постирала и высушила феном. Да, феном. Потому что утюга у меня не было. Как и многого другого. Но блузка выглядела так, будто её гладили в дорогой химчистке. Я проверила.

Туфли на каблуке — невысоком, чтобы не мучиться, но достаточно высоком, чтобы ноги выглядели длиннее. Каблук — это вообще удивительное изобретение. Ты становишься выше, стройнее и при этом добровольно соглашаешься на боль. Женщины платят за красоту страданием. Мужчины платят деньгами. Кажется, я знаю, кому выгоднее.

Я посмотрела на себя в зеркало. Девушка напротив знала, что выглядит отлично. Нет, правда. Свежая, подтянутая, с ровной спиной и блеском в глазах — то ли от недосыпа, то ли от предвкушения. Плечо ещё немного саднило, но под блузкой этого не было видно. И синяк на ключице я замазала консилером. Консилер — лучшее изобретение человечества после антибиотиков. Он прячет не только синяки, но и тот факт, что ты вчера попала в аварию, плохо спала и вообще не уверена, что достойна этой работы.

Интересно, он вообще заметит? Или ему всё равно, как я выгляжу? Хотя нет. Такой мужчина, как Дамир, замечает всё. Рентген в пальто, помнишь, Вера? Он тебя насквозь видит. Ну и пусть. Сегодня там есть на что посмотреть. Я вложила в этот образ полтора часа, юбку и

последние силы. Если он не оценит — я потребую вернуть мне моё время. Или хотя бы оплатить химчистку блузки, которую я сушила феном.

Вчерашний день прошёл как в тумане. Платная клиника, где меня встретили с таким радушием, будто я была королевской особой. Врач, который осмотрел меня, покачал головой, сказал что-то про «лёгкое сотрясение и ушиб мягких тканей», но всё равно назначил кучу обследований. Дамир оплатил всё, не спрашивая. Даже не взглянул на счёт. Конечно. Такие, как он, не смотрят на счета. Они просто дают карту и забывают. Интересно, он вообще помнит, сколько там было? Или это для него как чаевые в кофейне?

Потом он отвёз меня домой. Молча. Только когда мы подъехали к подъезду, спросил:

— Сама поднимешься?

— Сама, — ответила я, хотя ноги дрожали. Я попала в аварию, я полдня провела в клинике, и у меня дрожат ноги. Он спрашивает «сама поднимешься». И я говорю «сама». Потому что признать слабость — это хуже, чем упасть на лестнице.

Он кивнул, и его машина скрылась за углом. Я поднялась в пустую квартиру, села на диван и долго смотрела в стену. В голове крутилось одно: зачем он это сделал? Зачем повёз в клинику? Зачем заплатил? Зачем предложил работу? Вера, ты дизайнер интерьеров с долгами и разбитой машиной. Может, он просто любит подбирать бездомных? Котят там, щенков, дизайнеров с обочины?

Я не нашла ответа.

Эвакуатор забрал мою разбитую машину ещё вечером. Я позвонила, оплатила, подписала бумаги, даже не глядя. Там, наверное, был просто металлолом. Но думать об этом не хотелось. Хотелось спать.

Я спала плохо. Мне снился он. Его глаза, его руки, его голос, который сказал: «Выздоровливай, Вера». С ударением на последнем слове. Снился. Мне снился мужчина, с которым я знакома меньше суток. Который врезался в мою машину. Который смотрит как рентген. Вера, ты либо влюбилась, либо у тебя посттравматический синдром. Либо и то и другое одновременно. Чудесно.

А теперь я стояла перед бизнес-центром на окраине города, куда вчера вечером он прислал адрес. Сообщение было коротким: «Завтра, 10:00». Ни «здравствуйте», ни «до встречи». Просто время. «Завтра, 10:00». Даже не «сможете приехать?». Не «вам удобно?». Просто время. Как будто я — его сотрудница. Или мебель, которую доставят к десяти. Диван Вера, модель «после аварии», цвет — мокрый воробей.

Я вздохнула и толкнула стеклянную дверь.

Внутри было просторно, холодно и дорого. Белый мраморный пол, стойка ресепшн из чёрного стекла, на стенах — абстрактные картины, которые я бы никогда не повесила у себя в гостиной. Кто вообще вешает такое в офисах? Наверное, есть специальный поставщик абстрактного искусства для бизнес-центров. «Абстракция для коридоров, уровень премиум,

три штуки». Интересно, сколько это стоило. И почему я не могу перестать думать о деньгах, даже когда смотрю на искусство?

Секьюрити проводил меня взглядом от двери до стойки. Заметил юбку. Заметил каблуки. Я расправила плечи и прошла мимо него, как модель по подиуму.

— Я к Дамиру, — сказала я девушке на ресепшн. — На собеседование.

— Вас ждут, — ответила она, даже не подняв головы. — Третий этаж, лифт направо.

Лифт был отделан деревом и зеркалами, пахло дорогим парфюмом — тем самым, который я почувствовала вчера в его машине. Сердце колотилось где-то в горле, но я заставила себя дышать ровно. Дыши, Вера. Это просто лифт. Просто работа. Просто мужчина, из-за которого ты не спала всю ночь. Ничего особенного.

Третий этаж встретил меня тишиной. Длинный коридор, белые стены, несколько закрытых дверей. В конце — массивная дверь из тёмного дерева.

Но сначала была приёмная.

Стекло, хром, белая кожа. За стойкой сидела девушка. Лет двадцати пяти, светлые волосы уложены в идеальный пучок, на лице — ни одной эмоции. Дорогой костюм, тонкие пальцы с идеальным маникюром. Она подняла голову, когда я вошла, и окинула меня оценивающим взглядом.

— Вы к кому? — спросила она. Голос — холодный, как лёд.

— К Дамиру, — ответила я. — У меня назначено.

Она смотрела на меня ещё секунду. Потом отвела взгляд к монитору.

— Дамир сегодня не принимает.

Я почувствовала, как внутри закипает раздражение. Она даже не проверила записи. Просто отшила меня, потому что могла.

— Мне назначено на десять, — сказала я. — Он сам назначил.

— Возможно, — она пожала плечами. Сделала равнодушный вид, — но его нет. И он никого не ждёт.

— Позвоните ему, — сказала я. — Скажите, что Вера пришла.

— Я не буду ему звонить по таким пустякам, — ответила она. — У него важное совещание.

— Тогда я подожду, — я села на белый диван у стены.

Она посмотрела на меня. В её взгляде — холод и неприязнь.

— Дело ваше, — сказала она и отвернулась к монитору.

Я сидела. Она делала вид, что работает. Я делала вид, что читаю. Воздух вокруг нас стал наэлектризован.

Через пятнадцать минут дверь кабинета открылась, и из него вышел Дамир.

Увидел меня. Остановился. Посмотрел на секретаршу.

— Анна, что происходит?

— Она сказала, что у неё назначено, — голос секретарши был спокойным, но я слышала в нём напряжение. — Но вы не предупреждали. — Сказала она делая невинное лицо и хлопая длинными ресницами.

— Я предупреждал, — сказал он. — Вчера вечером.

Она опустила глаза.

— Я не...

— В кабинет, — перебил он. И посмотрел на меня. — Вера, заходи.

Я встала, взяла сумку. Проходя мимо секретарши, я увидела её лицо — злое, униженное. Она ненавидела меня. За то, что он смотрел на меня. Женщина, ты работаешь с ним каждый день. Неужели ты ещё не привыкла, что он иногда смотрит на других женщин? Или я — особый случай?

Дверь кабинета закрылась.

Кабинет был огромным. Напротив входа — панорамное окно во всю стену, из которого открывался вид на центр города. Слева — стол, заваленный чертежами, справа — стеллажи с книгами и макетами зданий. В центре большой стеклянный стол. Стеклянный стол. Конечно. Чтобы я видела свои дрожащие колени и его идеальные туфли. Чтобы некуда было спрятаться. Чтобы всё было видно насквозь — как и он сам.

Я посмотрела на Дамира.

Сегодня на нём был тёмный костюм, белая рубашка, никакого галстука. Воротник растёгнут, волосы чуть взлохмачены. Без галстука. Специально? Или просто забыл? Такие, как он, не забывают. Значит, специально. Значит, хотел выглядеть менее официально. Или более грутально. Или я слишком много думаю о его гардеробе.

— Извините, — сказал Дамир, жестом предлагая сесть. — Анна иногда забывает, что она не хозяйка этого офиса.

— Вы не можете её уволить? — спросила я.

— Могу, — он усмехнулся. — Но тогда моя тётя перестанет со мной разговаривать. А её борщ — лучший в мире.

— Дочь вашей тётки?

— Двоюродного дяди, — поправил он. — Но сути не меняет. Она чувствует себя вправу, потому что за ней — семья.

Он положил руки на стол, сцепив пальцы. Посмотрел на меня. Взгляд — спокойный, но я почувствовала: он ждёт. Моей реакции. Наблюдает.

— Как плечо? — спросил он.

— Лучше, — ответила я. — Спасибо за вчерашнее. За клинику.

— Не за что, — он откинулся на спинку кресла. — Ты пришла, значит, работа тебя интересует.

— Да.

Он кивнул, взял со стола какую-то бумагу, но не успел ничего сказать — дверь открылась без стука.

В кабинет вошёл мужчина. Лет тридцати, в идеальном костюме, с папкой в руках. Он двигался быстро, но осторожно — как человек, который знает, что каждое его движение могут оценить. Оценить. Расстрелять. Уволить. Он уже боится. Ещё до того, как Дамир что-то сказал. Вот что значит репутация.

— Дамир, я по вопросу...

Дамир даже не поднял головы.

— Ты не забыл, как стучать?

Голос — ледяной. Без эмоций. Мужчина замер.

— Извините, я...

— На выход.

— Но там документы...

— Я сказал — на выход.

Мужчина побледнел. Развернулся и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Через секунду раздался робкий стук.

— Войдите, — бросил Дамир.

Мужчина зашёл, держа папку перед собой, как щит. Он не смотрел на меня. Смотрел только на него.

— Документы на подпись, — сказал он тихо.

Дамир взял папку, пролистал, не глядя. Подписал. Вернул.

— Всё?

— Да, спасибо.

— Иди.

Мужчина вышел. Я смотрела на дверь, которая за ним закрылась, и чувствовала, как сердце опять заколотилось. Я поняла. Этот человек — не просто начальник. Он — тот, кого боятся. Тот, кто не прощает. Тот, кто может уничтожить одним словом. И я сижу в его кабинете, пью его кофе и прошу уволить его секретаршу. Вера, ты либо самая храбрая женщина в мире, либо самая глупая. Либо и то и другое одновременно. Как всегда.

Глава 3

Глава 3

Он смотрел на меня, слегка склонив голову. Я отвела глаза, рассматривая стол, чертежи на стенах — лишь бы не смотреть на него. Потому что если бы я смотрела, я бы точно покраснела. Или сказала что-то не то. Или то и другое одновременно.

— Я смотрел твоё портфолио, — сказал он наконец. — Хорошие проекты. Стильные, живые. Я хотел предложить тебе контракт на новостройки. Но передумал.

Я удивлённо подняла глаза. Ничего не понимая. Он что, передумал?

— Почему?

— Моя бабушка купила старый дом за городом. Он в ужасном состоянии, но она хочет там жить. Мне нужен дизайнер, который сделает ремонт с душой, а не просто по шаблону.

— Ты хочешь, чтобы я занималась ремонтом твоей бабушки? — уточнила я.

— Я хочу, чтобы ты занималась её домом, — поправил он. — Для меня это важно. И..., мне понравились твои работы.

Я моргнула. Понравились? Он вообще смотрел моё портфолио или просто решил, что я не подведу, потому что не развалилась на куски после аварии?

— Мы знакомы два дня.

— Я знаю, — он посмотрел на меня спокойно. Он слегка улыбнулся.

Я не нашлась, что ответить. Он протянул мне планшет с фотографиями старого дома, и я посмотрела на двухэтажный дом, облупившуюся краску, покосившееся крыльцо, заросший сад. Сад выглядел так, будто там живут крокодилы, бегемоты и дикие племена туземцев. Да, с таким объёмом работы я буду занята до следующего года. И, скорее всего, успею влюбиться в своего заказчика раньше, чем закончу проект. Держись Вера, ты крепкая как камень.

— Масштаб большой, — тихо сказала я.

— Поэтому я предлагаю хорошую оплату.

— Я буду работать одна?

— Нет. Я буду приезжать. Смотреть, помогать, — он сделал паузу. — Если понадобится.

Я почувствовала, как в груди что-то ёкнуло, но не подала вида. "Если понадобится" — значит, я могу рассчитывать на его присутствие. И это пугало меня больше, чем сама работа.

— Завтра в десять я заеду за тобой. Познакомишься с бабушкой.

Уже у двери я услышала его голос:

— Вера.

Я обернулась.

— Ты не пожалеешь.

Я хотела спросить, что он имеет в виду — проект, бабушку или себя, — но передумала. Только улыбнулась уголками губ.

— Я надеюсь.

Внутри я сомневалась: он либо пытается меня подкупить добротой, либо действительно верит, что я смогу всё сделать. Или ему просто нужна была хоть одна живая душа, чтобы разделить с ней хлопоты.

Я вышла из кабинета и в приёмной наткнулась на взгляд Анны. Она стояла у стола, сложив руки на груди, и смотрела так, будто я взяла что-то, что принадлежало ей.

— Всё прошло хорошо? — спросила она сладким голосом, но в нём чувствовался холод.

— Да, — ответила я, проходя мимо. — Спасибо, что спросили.

Я не остановилась, но краем глаза видела, как она проводила меня взглядом до лифта. Она не знала, что я уже согласилась. И уж точно не знала, что я думала о том, как через месяц буду стоять с рулеткой в её бывшем кабинете.

На следующее утро я стояла у подъезда и чувствовала себя разведчицей, которую забрасывают в тыл врага. Враг, судя по вчерашним фотографиям, был двухэтажным, облупленным и с заросшим садом. Я даже мысленно прикинула маршрут отступления, если бабушка окажется злой и прогонит меня с крыльца.

Ровно в десять к подъезду подкатила знакомая чёрная машина. Дамир вышел сам, открыл мне дверь. Просто кивнул:

— Садись.

Я села. Он сел за руль. Мы выехали на трассу, и я смотрела в окно, чтобы не смотреть на него. Потому что если бы я смотрела, я бы опять покраснела. А краснеть перед человеком, который платит тебе деньги за работу, как-то несерьёзно. И вообще, я здесь по делу, а не для того, чтобы любоваться его профилем. Хотя профиль у него был ничего.

— Бабушка знает, что я приеду? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

— Я сказал ей, что приеду с дизайнером, — ответил он, не поворачивая головы. — Она ждёт.

Он помедлил.

— Я сказал, что ты та самая девушка, которую я вытащил из машины.

Я уставилась на него.

— Ты сказал бабушке про аварию?

— Да, — сказал он просто. — Она должна знать, что я привёз не просто так.

Я хотела спросить, что значит «не просто так», но мы уже въезжали в посёлок. Дома пошли реже, деревья чаще. Потом машина остановилась у калитки, и я увидела его — тот самый двухэтажный дом с фотографий.

Вживую он выглядел ещё страшнее. И в этом было что-то прекрасное — потому что я уже прикидывала, как переделать крыльцо, как выровнять дорожку и куда поставить новые окна.

— Идём, — сказал Дамир, открывая калитку.

На крыльце стояла женщина. Лет семидесяти, невысокая, с седыми волосами, собранными в пучок, и с таким же острым взглядом, как у Дамира. Она смотрела на меня так, будто оценивала, не испорчу ли я её сад. Я внутренне усмехнулась: если она узнает, что я мысленно уже снесла половину её забора, она, наверное, выгонит меня до того, как я успею открыть рулетку.

— Это бабушка, — сказал Дамир. — Бабушка, это Вера. Та самая.

Бабушка смотрела на меня. Долго. С прищуром. Я уже мысленно попрощалась с работой и представила, как буду ловить такси на трассе. Но потом она улыбнулась — тепло, по-настоящему.

— Проходите, мои хорошие. Я чай поставила.

Я перевела дух и шагнула через порог. Внутри пахло деревом, яблоками и старым домом. Пахло уютом, которого у меня не было. Я остановилась в прихожей, разглядывая высокие потолки, широкие доски пола, большие окна. Дом был старым, но в нём чувствовалась жизнь. И эта жизнь, судя по всему, ждала меня за столом.

Мы прошли в гостиную. Там уже сидели двое. Женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и цепким взглядом. И девушка помладше, с такими же тёмными глазами, как у Дамира.

— Моя тётя Лидия, — сказал Дамир, кивнув на старшую. — Моя сестра Ирина. Вера — дизайнер.

Я кивнула и улыбнулась, чувствуя, как на меня смотрят с любопытством. Особенно Ирина — она разглядывала меня так, будто пыталась понять, что Дамир нашёл во мне. Я внутренне усмехнулась: если бы она знала, что он нашёл меня всего два дня назад, она бы точно не стала так пристально смотреть.

— Садитесь, — сказала бабушка, пододвигая стул. — С дороги, чайку выпейте. С пирогом, я сама пекла.

Я села. Бабушка разливала чай, Ирина нарезала пирог, тётя Лидия смотрела на меня поверх очков. Дамир сел напротив, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Наблюдал. Я чувствовала его взгляд кожей и пыталась не подавать виду, что мне не по себе. Хотя внутри всё дрожало от мысли, что я нахожусь в центре внимания всей его семьи. На этой выставке я — главный экспонат.

— Ну что, — сказала Лидия, и в голосе её не было неприязни, только любопытство. — Рассказывай, как ты собираешься спасти этот дом.

Я достала блокнот. Начала показывать наброски, рассказывать про планировку, про окна, про крыльцо, про веранду. Тётя Лидия подхватила: ей хотелось сохранить старый камин. Ирина, чуть помедлив, сказала, что хотела бы гардеробную. Бабушка слушала и кивала. Когда я говорила, они смотрели на меня и слушали. Дамир сидел в углу и молчал, но я чувствовала его взгляд и понимала, что он следит за каждым моим словом. Я надеялась, что он не заметил, как дрожит моя рука, когда я держала блокнот.

В какой-то момент разговор свернул на личное. Тётя Лидия намазала масло на хлеб и, как бы невзначай, спросила:

— Дорогая, а как вы познакомились?

Я замерла. На секунду. И тут же почувствовала, как он — Дамир — перехватывает взгляд.

— Я спас её от пиратов, — сказал он.

Повисла тишина. Потом бабушка засмеялась.

— Опять шутишь, внук. Я же знаю про аварию. — Она посмотрела на меня уже теплее. — Он мне всё рассказал. Как вытащил тебя из машины и отвез в клинику.

— А мы-то не знали! — удивилась Ирина. — Дамир, ты ничего не говорил.

— Вы не спрашивали, — пожал он плечами.

Я улыбнулась и сказала:

— Он действительно был рядом. Он меня вытащил. Потом предложил работу.

— И ты сразу согласилась? — удивилась Ирина.

— Нет, — я честно улыбнулась. — Я сначала подумала, что он меня разыгрывает. А потом решила, что раз он приехал за мной сам, значит, я ему действительно нужна.

Но сама я знала, что на самом деле я согласилась не столько из-за работы, сколько из-за того, что он смотрел на меня так, будто видел во мне что-то большее. И я хотела увидеть, что будет дальше. Я очень любопытная.

Дамир поднял бровь. Я поняла, что он заметил мою игру. Но я смотрела на него с самым невинным лицом, и он ничего не сказал. Только слегка улыбнулся.

И я поняла: ему понравилось, как я отвечаю. А мне понравилось, что ему понравилось. И от этого я покраснела ещё сильнее.